

Copyright © 2016 by Sochi State University



Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 848-856, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 94(47)

The Historical Optimism of Boris Mironov

Vladimir G. Khoros^{a, *}

^a Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article attempts to assess the contribution of B.N. Mironov's monograph "The Russian Empire: From Tradition to Modernity" to historiography. The author has reviewed other books by Mironov. While the reviewer's assessment is positive overall, a number of points defended by the author call for a rejoinder. The reviewer agrees with the main idea of the book: there was no permanent crisis and impoverishment of the working population in the history of imperial Russia in the 18th to the beginning of 20th centuries. On the contrary, there was some progress and achievements in terms of modernization. The revolutions in the beginning of the 20th century must be explained through other reasons. Credit undoubtedly belongs to Mironov for proof of this thesis. In such an approach, the Russian past appears more complicated and realistic than in many of the preceding investigations by Russian as well as by foreign scholars. An interesting feature of Mironov's approach is historical optimism, that is, an interpretation of Russian historical evolution as successful. However, sometimes this optimism seems excessive. Key observations are the following. First, overcoming one extreme (the permanent crisis in Russia), Mironov, to some extent, ends up at another extreme – an underestimation of those social and cultural problems in Russian society that stimulated the revolutionary climate. Second, there is an overestimation of the role of the intelligentsia as an agent of revolution, its characteristics are excessively negative, and there is an underestimation of the impulse to protest from below and the popular character of the Russian revolution of 1917. Third, despite a number of interesting ideas concerning the process of modernization in Russia, Mironov identifies this modernization with Westernization ("Europeanization"). But the author himself rightly demonstrates the difference between Russian and European civilizational values. This discrepancy become one of the reasons for the Russian Revolution. However, even these disagreements with Mironov's point of view attest to the creative character of his book and its great significance for our historical scholarship.

Keywords: Russian empire; modernization; the Russian revolution; Europeanization; tradition and modernity; historical optimism; intelligentsia; European trajectory; the construction of social reality; the color revolutions.

Я бы не решился высказаться по громадному трехтомнику Б.Н. Миронова, если бы не опыт моих размышлений (Хорос, 2000) по поводу его предыдущих трудов – «Социальная история России периода империи...» (Миронов, 1999) и «Благосостояние населения и

* Corresponding author

E-mail addresses: khoros@imemo.ru (V.G. Khoros)

революции в имперской России...» (Миронов, 2010). Собственно, эти работы (а также фрагменты из его книги «Страсти по революции» (Миронов, 2013), где Б.Н. Миронов отвечает своим оппонентам, в том числе мне) автор собрал в книге, которую мы обсуждаем. И не просто собрал, но добавил две новые главы, в частности очень содержательный очерк о русской культуре и крестьянском менталитете (Миронов, 2015b: 271–390), а также основательно доработал ряд других подразделов (Миронов, 2014: 195–261, 407–443; Миронов, 2015a: 59–107, 422–490, 544–606). Перед нами плод выдающегося трудолюбия историка, в котором обилие (лучше сказать, изобилие) фактического материала сочетается со стремлением к широкому концептуальному осмыслению, а кропотливое освещение прошлого – с попытками связать его с современностью, вывести отечественную историю в общемировой контекст.

Понятно, что столь значительный труд в любом случае не может не заслуживать признания. Я не раз высказывал его, хотя по ряду пунктов и спорил с автором. И сегодня, ознакомившись с обсуждаемым трехтомником, скажу: мое отношение к исследованиям и подходам Б.Н. Миронова в целом то же, что и прежде – как, если так можно выразиться, в пространстве согласия, так и в пространстве спора.

Еще раз подтверждаю: я принимаю основную идею исследования Бориса Николаевича о неадекватности так называемой «парадигмы кризиса и пауперизации» применительно к эволюции имперской России – «парадигмы», из которой следует, что эволюция эта проходила как бы по снижающейся траектории, через череду кризисов в жизни общества, что закономерно привело к революции в начале XX в. Как я понимаю, обоснование этой идеи было главной целью автора, и ему удалось ее достичь, что можно считать его большой заслугой перед нашей исторической наукой. Б.Н. Миронов представил историю имперской России гораздо более многосторонней, многоцветной и неоднозначной по сравнению со многими предшествующими исследованиями – как отечественными (дореволюционными и советскими), так и зарубежными.

Работам Б.Н. Миронова присуще то, что можно назвать историческим оптимизмом, намерением делать акцент на позитивных характеристиках российской истории. И это вызывает симпатию, особенно на фоне осуждающе-негативистских трактовок нашего прошлого, получивших распространение в постсоветские времена. Вспомним, как Пушкин в ответ на «Философическое письмо» Чаадаева писал ему, что нам нечего стыдиться своей истории, которую поэт не променял бы ни на какую другую. Точно так же на многих страницах своих трудов Б.Н. Миронов подчеркивает, что русская история вполне вписывается в основные тренды европейского и общемирового развития и отмечена значительными достижениями во всех сферах общественного бытия.

Но исторический оптимизм, как и все на свете, предполагает чувство меры. Так, тот же Пушкин, не приемля пессимистическую картину России, нарисованную Чаадаевым, вместе с тем не отрицал, что в российском прошлом и настоящем немало негативного – самовластие, игнорирование прав личности и прочее. И вот здесь – первый пункт моего спора с Борисом Николаевичем. Создается впечатление, что, борясь с одной крайностью – преувеличением кризисных процессов в имперской России, он, может быть, незаметно для себя порой стал впадать в другую крайность – сглаживание острых углов российского прошлого, приукрашивание реальной исторической действительности.

Я достаточно подробно писал о своих несогласиях на этот счет в своих предыдущих отзывах на книги Б.Н. Миронова, так что здесь лишь кратко обозначу их. Это, на мой взгляд, недостаточно критичная оценка Крестьянской реформы 1861 г., которая, как он уверен, учитывала «интересы не только помещиков, но и крестьян». Это – чрезмерно высокая оценка эффективности внутренней политики самодержавия в целом (ведь в этом плане трудно не видеть различий в эпохах Николая I, Александра II, Александра III и Николая II). Это – преувеличение креативности российского чиновничества (хотя, конечно, не все в нем походило на персонажей гоголевского «Ревизора»). Это – переоценка степени политической демократизации в России в начале XX в., поскольку Государственная дума во многом оставалась совещательным органом. Это, наконец, многочисленные статистические выкладки о доходах населения, налогах и т. п., призванные создать у читателя впечатление перманентного роста основных экономических и социальных показателей в России XIX – начала XX в., – хотя во многих исследованиях по данному периоду эти показатели выглядят иначе. Статистика, при всей ее полезности, это – не *ultima ratio*, она может приводить к разным результатам. И сам автор это, наверное, понимает, приводя, к примеру, большой

разброс в оценках соотношения зарплаток русских, английских и американских рабочих (Хорос, 2010).

Стремление к «оптимизации» исторической действительности ощущается во всей книге Б.Н. Миронова – даже применительно к тем временам, которые выходят за рамки его исследования. Так, говорится о том, что русский крестьянин довольно терпимо относился к крепостному праву, поскольку не видел в нем нарушения своих личных прав, а лишь «обязанность что-то исполнять, платить ренту, ходить на барщину» (Миронов, 2015b: 530). Высказывается мнение, что в России «до XVIII в. общество и государство жили едино и по большому счету в согласии» (Миронов, 2015b: 598) – как это соотносится с «бунташным» XVII в. и Расколом? Между тем российская государственность XVII в. объявляется «народной монархией» (Миронов, 2015b: 597). Утверждается, что «до Великих реформ общество в решающей степени самоуправлялось», что «в течение многих столетий самоуправление, основанное на настоящей демократии, являлось стержнем нашей повседневной жизни» (Миронов, 2015b: 719, 723). Звучит, мягко говоря, странно. А вот суждения уже о нынешней России: автор не согласен с теми, кто считает опыт российской модернизации в постсоветский период неудачным (Миронов, 2015b: 639) – ведь после спада 90-х гг. в стране начался «быстрый экономический рост, который можно назвать экономическим чудом» (Миронов, 2013: 223). На самом же деле – и это показано во многих работах отечественных экономистов – в постсоветский период происходили тенденции демодернизации, деградации индустриального сектора, а «экономическое чудо», т. е. достаточно скромные показатели экономического роста (на фоне, скажем, Китая или Вьетнама) в 2000-х гг. были достигнуты за счет сырьевого экспорта при благоприятной конъюнктуре мировых цен на энергоносители. В подобных довольно уязвимых заключениях, как мне представляется, сработала именно инерция «оптимистического» подхода Б.Н. Миронова.

Пореформенное развитие в России автор также называет «экономическим чудом», одновременно указывая на политические, социальные, правовые и другие достижения этого периода. Естественно возникает вопрос: почему же страна взорвалась революциями? Б.Н. Миронов отвечает на него двояко. Он признает, что даже успешное в целом развитие не исключало ряда экономических, социальных и культурных проблем (малоземелья и аграрного перенаселения в центральных губерниях, асимметричности между городом и деревней, отставания доходов населения от растущих потребностей и др.) – проблем, порожденных именно процессами быстрой и успешной модернизации. Более того, модернизация принесла с собой «системный кризис» – «конфликт традиции и современности» (Миронов, 2013: 228). (К этим соображениям автора о развитии России под углом зрения проблематики модернизации я еще вернусь.)

Но непосредственной причиной революции (или революций) Б.Н. Миронов считает идеологическую и политическую активность оппозиционной интеллигенции, «борьбу за власть между различными группами элит». Именно радикально-демократическая интеллигенция (от кадетов до большевиков) «создала в стране атмосферу социального и политического кризиса, подготовила почву для революции и вывела народ на улицы... воспользовавшись недовольством, вызванным старыми проблемами, усугубленными бедствиями войны» (Миронов, 2015b: 733). Здесь второй пункт моих несогласий с Борисом Николаевичем.

По этому пункту я уже полемизировал с автором (Хорос, 2010: 169–172). Но тема столь важна, что не грех и повториться. Ведь речь идет об оценке всей демократической общественной мысли и оппозиционного движения в России. «...Полтора столетия в общественной мысли и науке (в России. – В. Х.), – считает Б.Н. Миронов, – удерживалась неадекватная фактам концепция кризиса», которая «превратилась в научную парадигму, т. е. в своего рода теорию и способ поведения в науке, в образец решения исследовательских задач... и почти обязательный алгоритм исследования. Императивность парадигмы обуславливается тем, что она существует в научном сообществе и поддерживается им. Если исследователь идентифицирует себя с сообществом, он должен придерживаться господствующей парадигмы, иначе он будет в нем белой вороной, более того – рискует быть исторгнутым из него. В рамках парадигмы кризиса анализировалось развитие российского общества в XVIII – начале XX в. и происходило *конструирование социальной реальности*, парадигма стала фоновым знанием, молчаливо принимаемым на веру как аксиома» (Миронов, 2013: 185). Особая роль в утверждении данной парадигмы принадлежала

Чернышевскому, Герцену и Огареву, которые посчитали, что в ходе реформы 1861 г. правительство и помещики «ограбили крестьян» (Миронов, 2013: 45). В результате «виртуальные факты», конструирование «искусственной действительности» стали «частью русской общественной жизни» (Миронов, 2010: 673). Это была, как выражается автор, «идеологическая aberrация», но имевшая серьезные последствия для революционных событий в стране.

Конечно, в общественном мнении, науке, публицистике всегда в той или иной мере имеет место «идеологическая aberrация», инерция, проявления некритического восприятия каких-то «ходовых» идей, приобретающих влияние. Политическая и социальная борьба, столкновение различных мнений и групповых пристрастий не обходится без пережестов и крайностей, неадекватность которых выявляется потом. Точно так же любые теории или концепции – это «искусственные конструкции», «виртуальные факты», лишь частично воспроизводящие реальную жизнь. Но значит ли это, что подобные теории или «парадигмы» – а речь идет об идейных направлениях, существовавших многие десятилетия и отражавших интересы крупных социальных слоев, – существовали как бы помимо реальной действительности, не имели своего исторического основания, не обладали определенной объяснительной силой?

У автора вольно или невольно получается, что «полтора века» (т. е. начиная с А.Н. Радищева) оппозиционная демократическая мысль формировалась и реализовывалась как предвзятая, специально нагнетающая напряжение в обществе. Но что двигало оппозиционные демократические силы в России – от А.Н. Радищева, декабристов, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского до Н.В. Шелгунова, Н.К. Михайловского, М.М. Стасюлевича, Н.Ф. Анненского, А.В. Пешехонова и многих, многих других? Сначала – борьба за отмену крепостного права, затем – за более последовательное преодоление его пережитков, за облегчение положения трудящегося населения, за бессловесное общество, за политические свободы и т. д. Разве у «несогласных» не было оснований, чтобы бить тревогу и критиковать те или иные действия властей?

Б.Н. Миронов упрекает А.П. Чехова за «крайнее выражение» безрадостной картины тогдашней российской деревни в повести «Мужики» (Миронов, 2015b: 330). Но Антон Павлович был человек, что называется, вне всяких партий, он просто писал, что видел, не боясь при этом остракизма со стороны «сообщества». И примерно так же видели тогдашнюю российскую действительность многие крупные писатели той поры: В.Г. Короленко, А.М. Горький, Л.Н. Толстой, И.А. Бунин и другие; причем они подмечали не только и не столько материальные лишения, сколько другой негатив – грубость человеческих отношений, кризис моральных ценностей, духовную ограниченность и прогресс. Надо ли считать это стремлением подыграть радикалам?

У автора заметно стремление развенчать оппозиционных деятелей, особенно революционеров. Он согласен с неким А.М. Мелиховым, что они примыкали к «оппозиционному движению, дабы «преодолеть ужас собственной ничтожности», «примкнуть к какому-то большому и красивому делу» (Миронов, 2013: 188). Конечно, в любом общественном движении всегда немало случайных попутчиков, негативных персонажей или даже монстров типа Нечаева и Верховенского. Но достаточно почитать, к примеру, мемуары В.Н. Фигнер и некоторых других, чтобы убедиться, что в оппозиционную борьбу людей приводили не жажда власти или желание убежать от «собственной ничтожности», а бескорыстие и самоотверженность, стремление помочь трудящемуся человеку, привнести в жизнь идеалы социальной справедливости – пусть это порой выглядело прекраснодушным и утопизмом.

По Б.Н. Миронову, на российской политической сцене в революционную эпоху все решалось в противостоянии элит и контрэлит. Безусловно, роль элит в политической жизни трудно отрицать, изучение этой проблематики ведется еще со времен В. Парето (на которого, в частности, ссылается автор). Но ведь элиты ведут политическую борьбу, привлекая к поддержке массы, классы, стремятся исходить из их интересов. Если элитам удастся так или иначе уловить, выразить эти интересы, то массы идут за ними; если нет, их ждет политическое фиаско. Рассмотрение элиты вне связи с массами (или же взгляд на массы как на простой объект манипулирования со стороны элит) ведет к искажению реальной картины. К сожалению, наш автор порой соскальзывает на этот путь – скажем, сравнивая революционные события в России с современными «оранжевыми» или «цветными» революциями, которые на деле не являются революциями, но действительно

результатом дирижирования протестными акциями со стороны умелых подстрекателей в эпоху, когда технические средства манипулирования общественными настроениями многократно возросли.

Я полагаю, что имеется немало серьезных исторических трудов – и отечественных, и зарубежных, – которые документируют массовое, «народное» качество российских революций начала XX в., их импульс не только «сверху», но и «снизу». Ограничусь свидетельством такого вдумчивого наблюдателя событий того времени, как М.М. Пришвин. В октябре 1917 г. он (кстати, относившийся тогда весьма критически к большевикам), писал в своих дневниках «о непонимании большевистского нашествия, которое... все еще считают делом Ленина и Троцкого», но «не понимают, что вожди тут не причем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное», что оно «началось с первых дней революции, и победа большевиков была уже тогда предопределена» (Пришвин, 1991: 386). Здесь все акценты расставлены четко – и массовый, «низовой» характер российской революции, и причины победы в ней одной из «контрэлит».

Понимание глубинного и в этом смысле объективного характера революции 1917 г. принципиально важно, потому что до сих пор в работах историков и в особенности публицистов (типа Сванидзе) муссируется версия «октябрьского переворота» за немецкие деньги и т. п. – вообще о неадекватном поведении, ошибках или преступлениях радикальных деятелей, повернувших колесо национальной истории в другую сторону. Некоторые признаки такого подхода присутствуют и в работах Б.Н. Миронова (ссылки на сотрудничество кадетов с японской разведкой, провоцирование перед Февральской революцией массовых беспорядков и пр.). Может быть, исходя из преувеличения роли элит в революционных событиях, их возможности повернуть эти события «туда или сюда» он как бы молчаливо допускает, что в феврале – октябре 1917 г. революции могло бы и не быть или что ее течение могло сложиться иначе. Во всяком случае он ставит вопрос о том, как могла бы развиваться Россия без революции и социализма. Он считает, что если бы в 1917 г. удалось немного потерпеть и Россия «попала бы в число победителей», то развитие страны пошло бы легче и успешней, человеческий капитал не был бы растрочен в Гражданской войне и т. д.

В принципе я вполне признаю альтернативный подход в исторической науке, и сам использовал его в своих работах (Хорос, 1996). Согласен, что без революционных потрясений был бы возможен прогресс с меньшими издержками. Как говорится, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Но ведь революция все-таки произошла, и произошла неслучайно. Ее вызвали к жизни не только социальные проблемы и тяготы войны тех лет, но и накопленный протестный потенциал еще со времен крепостного права. Конечно, радикалы приложили руку к разжиганию страстей. Но вспомним хотя бы, что события 1917 г. стали неожиданностью для Ленина и его соратников, которые уже не чаяли, что доживут до революции. А реально возник громадный взрыв снизу, разлом общества, приведший к хаосу и безвластию. Большевики не узурпировали власть, а скорее подобрали ее, так же как сумели оседлать радикальную массовую волну и одержать победу в Гражданской войне. Короче говоря, когда мы имеем дело с масштабными историческими процессами, тектоническими сдвигами в социуме, не вполне работает подход по типу «лучше, чтоб было иначе». Издержки здесь неизбежны, хотя в каких-то конкретных рамках (скажем, проживи Ленин дольше и сняв Сталина) можно говорить о возможных альтернативах внутри этих в целом суровых или кризисных эпох.

Справедливости ради, Б.Н. Миронов не ограничивается темой борьбы за власть между различными группами элит, но выдвигает и другие, объективные причины революции. Помимо тех или иных социальных противоречий и последствий войны он рассматривает эти причины в рамках теории модернизации, т. е. исторического перехода от традиционного, аграрного типа общества к современному, индустриальному. Эти страницы его книги интересны и подтверждают, что на сегодня концепция модернизации лучше объясняет революционные процессы, чем формационная теория. Еще С. Хантингтон (на которого вполне обоснованно ссылается Б.Н. Миронов) в своих ранних работах показал, что даже (и именно) успешная модернизация сопровождается растущей конфликтностью в обществе, что возникает «прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью» (Huntington, 1968: 51). Экономический, социальный, политический и культурный прогресс в ходе модернизации в то же время создает различного рода диспропорции – между городом и деревней, растущей индустрией и отсталым сельским

хозяйством, между различными стратами общества и т. п. Проследившая это в истории пореформенной России, Б.Н. Миронов фиксирует «травму социальных изменений», парадоксальную «аномию успеха», «конфликт традиций и современности» и констатирует в результате, что российское общество «не справилось с процессом модернизации», хотя последняя по ряду показателей шла вполне успешно (Миронов, 2015b: 689–690; Миронов, 2013: 227 и др.).

Со всем этим вполне можно согласиться. Но мне представляется, что Борис Николаевич проходит мимо одной важной вещи, которая имеет отношение к специфике российской имперской модернизации и причинам ее краха. Он справедливо относит Россию ко второму эшелону всемирного процесса модернизации – т. е. ареалу тех стран (помимо России – Японии, Турции, Китая и некоторых других), где предпосылки модернизации к моменту ее исторического старта были выражены слабее, чем на Западе, а институты традиционного общества были еще достаточно сильны. И в этих странах успех модернизации во многом определялся не только перениманием технологических и организационных достижений более развитых стран, но и тем, насколько продуктивным оказался синтез традиционных и современных институтов и ценностей, приспособление традиционного наследия к задачам модернизации. Важность такого синтеза хорошо видна на примерах Японии, Южной Кореи, Тайваня, нынешнего Китая, отчасти Индии, Малайзии и некоторых других стран, где при всех экономических и политических изменениях общество сумело сохранить свои цивилизационно-культурные основы, что помогло облегчить, гармонизировать модернизационные сдвиги.

Между тем Б.Н. Миронов отождествляет модернизацию (в частности, в России) с европеизацией. Он все время примеряет к России европейскую «линейку» и даже подсчитывает, на сколько лет она к 1914 г. отстала от европейского уровня по ВВП на душу населения, продолжительности жизни, численности учащихся, длине железных дорог и т. п. (Миронов, 2015b: 623–628). Но помимо количественных показателей важны еще и качественные, и они-то как раз связаны с сохранением (при всех изменениях) своего национального социокультурного «лица». Думается в связи с этим, что в России «конфликт традиций и современности» (который автор признает) имел более деструктивный характер, нежели в вышеназванных странах, и во многом поэтому, говоря словами того же Б.Н. Миронова, российское общество «не справилось с процессом модернизации». Не случайно в книге констатируется, что «большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни» (Миронов, 2015b: 609).

Могут сказать: Япония или Китай – цивилизации существенно отличные от европейской, а Россия гораздо ближе к Европе, и потому для нее естественна «европеизация». Собственно, Б.Н. Миронов, по-видимому, так и думает. Но является ли Россия по своим социокультурным характеристикам «европоподобным» обществом (даже оставляя в стороне вопрос о России как особой, отдельной цивилизации)?

Безусловно, за последние три века Россия взяла очень многое из европейской культуры, европейского опыта модернизации. И тем не менее по ряду своих базовых ценностей и институтов российское общество отличалось и отличается от Европы. И подтверждения этому можно найти у самого же Б.Н. Миронова. В заново написанной главе 12 «Русская культура в коллективных представлениях» (Миронов, 2015b: 371–589) автор воспроизводит основные элементы взглядов российского крестьянства на мир и общественные отношения, выделяя в них общинное и семейное начало, идеалы справедливости и равенства, «умеренность в труде и в жизни» и другие. Этот мировоззренческий комплекс не ограничивался крестьянством, через институт землячества он проникал в городскую среду социальных низов, купцов, мещан, в учреждения (кооперативы, профсоюзы). Под влиянием «народного мировоззрения» находилась «значительная часть русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.». В целом, по мысли Б.Н. Миронова, можно говорить о «единой народной культуре», которая, как показывали опросы того времени, материалы литературы и прессы, была сравнительно мало затронута буржуазными ценностями индивидуализма, накопления и тому подобного. И это обстоятельство сыграло свою роль в революционных процессах в России.

В частности, социал-демократическая и народническая пропаганда, как считает автор, имели успех у трудящегося населения из-за их сходства с общинными ценностями. Точно

так же небуржуазное в целом (а в каких-то элементах антибуржуазное) сознание российской молодежи в начале XX в. «косвенно способствовало победе большевизма». А советская модернизация вообще, по словам Б.Н. Миронова, «сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов» (Миронов, 2015b: 381, 382, 384, 392, 393, 395, 402, 403, 414, 453, 714 и др.).

Все это свидетельствует не только об особенностях российской «догоняющей» модернизации, но и о культурно-исторической обусловленности революции в России. Более того, это относится не только к прошлому, но и к настоящему и будущему. Ибо все успешные «догоняющие» или «запоздалые» модернизации (не говоря уже о неуспешных) никогда не повторяли тот образец (Запад), который они «догоняли» – и во многом в силу цивилизационно-культурных факторов. Модернизируясь, Япония осталась Японией, Индия – Индией, Китай – Китаем, сохраняя свою цивилизационную «самость». Поэтому мне трудно согласиться с Борисом Николаевичем, полагающим, что «наше ближайшее будущее будет определяться европейской траекторией развития» (Миронов, 2015b: 630). Во-первых, сейчас в мире нет самостоятельной «европейской траектории», а есть доминирующая американская. Во-вторых, современный Запад далеко ушел от тех начал европейской цивилизации, к которым с таким пиететом относились образованные русские люди, – в сторону рыночного фундаментализма, «финансомики», манипулируемой демократии, растущих социальных диспропорций, крикливой массовой культуры. Целесообразно ли сегодня «догонять» такой Запад, «стать Европой», как призывают нас с 90-х гг. российские неолiberaлы? (Да ведь в каком-то смысле и «догнали», послушно встроились в миросистему на правах поставщика сырьевых ресурсов и пособников господства доллара.) Не дальновиднее ли нащупать свой путь модернизации, опирающийся на собственный цивилизационный фундамент, и в этом смысле «стать Россией» (что, понятно, не исключает сотрудничества с более развитыми странами и использования полезных элементов их опыта)?

На этом закончу, хотя хотелось бы поговорить еще о многом, на что наводит книга Б.Н. Миронова. Может показаться, что «пространство» моего спора с ним гораздо больше «пространства» согласия. Но это не так, и дело вообще не в этом. Колоссальный труд Б.Н. Миронова очень много дает нашей (да, наверное, и мировой) исторической науке, поскольку расширяет горизонты видения прошлого и настоящего, ставит важные и острые проблемы, ранее не замечаемые или замалчиваемые, обогащает методологию исторического познания. Поэтому самостоятельный концептуальный подход автора, оснащенный обширнейшим фактическим материалом, – это не только его право, но и заслуга. Мне, честно говоря, непонятно, почему исследования Б.Н. Миронова вызвали такую бурю комментаторского негатива, что ему пришлось отвечать на него отдельной книгой. Наверное, это следствие того разброда и «атомизации» российских людей, которые принесла с собой псевдолиберальная российская перестройка.

А что касается спорных моментов, то бесспорных исследований не бывает или это опусы, полные никому не нужных банальностей. В трудах Бориса Николаевича, слава богу, есть с чем спорить и – на серьезном уровне. Хочу пожелать ему завершить его штудии по российской модернизации анализом советской эпохи (да и постсоветского времени), потому что об этом до сих пор слишком много пристрастности и просто вранья. И – чтобы на это хватило сил.

Литература

Миронов, 1999 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2010 – *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый Хронограф, 2010. 848 с.

Миронов, 2013 – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015a – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

- [Миронов, 2015b](#) – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- [Пришвин, 1991](#) – *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М.: Московский рабочий, 1991. 448 с.
- [Хорос, 1996](#) – *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996.
- [Хорос, 2000](#) – *Хорос В.Г.* Оглянись, понимая // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 380–396.
- [Хорос, 2010](#) – *Хорос В.Г.* О причинах российской революции // Полис: Политические исследования. 2010. № 5. С. 161–175.
- [Huntington, 1968](#) – *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. Princeton: Jale University press, 1968.

References

- [Khoros, 1996](#) – *Khoros V.G.* Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii [Russian history in comparative perspective]. Moscow: Center for Humanitarian Education, 1996 [in Russian].
- [Khoros, 2000](#) – *Khoros V.G.* Oglyanis', ponimaya [Let you look back, with understanding] // Novoe literaturnoe obozrenie [The New literature review]. 2000. Nr 45, pp. 380–396 [in Russian].
- [Khoros, 2010](#) – *Khoros V.G.* O prichinakh russkoi revolyutsii [About reasons of the Russian revolution] // Polis: Politicheskie issledovaniya [Polis: Political studies]. 2010. Nr 5, pp. 161–175 [in Russian].
- [Mironov, 1999](#) – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].
- [Mironov, 2010](#) – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Novyi Khronograf, 2010. 848 p. [in Russian].
- [Mironov, 2013](#) – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nравy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- [Mironov, 2014](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015a](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- [Mironov, 2015b](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- [Prishvin, 1991](#) – *Prishvin M.M.* Dnevnik. 1914–1917 [The diary. 1914–1917]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991 [in Russian].
- [Huntington, 1968](#) – *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. Princeton: Jale University Press, 1968.

УДК 94(47)

Исторический оптимизм Б.Н. МироноваВладимир Георгиевич Хорос^{а, *}

^а Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Российская Федерация

Аннотация. У автора есть опыт размышлений по поводу других трудов Б.Н. Миронова. И на этот раз мнение рецензента в целом позитивное. Вместе с тем ряд пунктов вызывает возражения. Рецензент согласен с главной идеей книги Б.Н. Миронова: в истории имперской России XVIII – начала XX в. не было перманентного кризиса и обеднения трудящегося населения. Революции начала XX в. надо объяснять иными причинами. Этот тезис является несомненной заслугой историка. Прошлое России в его освещении предстает более сложным и реалистичным по сравнению с предшествующими работами как отечественных, так и зарубежных специалистов. Интересной чертой подхода Миронова является исторический оптимизм – интерпретация российской исторической эволюции как успешной. Правда, иногда исторический оптимизм автора выглядит чрезмерным. Основные критические замечания следующие. Во-первых, преодолевая одну крайность (перманентный кризис в России), Б.Н. Миронов в той или иной степени впадает в другую крайность – недооценку тех социальных и культурных проблем российского общества, которые стимулировали революционные настроения. Во-вторых, есть элементы преувеличения роли интеллигенции как субъекта революции, чрезмерно негативные ее характеристики и вместе с тем недооценка протестного импульса снизу, народного характера русской революции 1917 г. В-третьих, несмотря на ряд интересных соображений о процессе модернизации в России, Б.Н. Миронов отождествляет российскую модернизацию с вестернизацией («европеизацией»). Но сам же Миронов правомерно показывает различие европейских и российских цивилизационных ценностей. Их несоответствие и послужило одной из причин российской революции. Но даже эти несогласия с Б.Н. Мироновым свидетельствуют о творческом характере его книги и ее большом значении для нашей исторической науки.

Ключевые слова: российская империя; модернизация; русская революция; европеизация; традиция и современность; исторический оптимизм; интеллигенция; европейская траектория; конструирование социальной реальности; цветные революции.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: khoros@imemo.ru (В.Г. Хорос)